

Карл Шмитт

Эпоха деполитизаций и нейтрализаций*

Мы, в Центральной Европе, живем *sous l'œil des Russes*** . Вот уже столетие, благодаря своей психологической проницательности, они видят насквозь наши великие лозунги и наши институты; их витальность достаточно велика, чтобы овладеть как оружием нашими познаниями и нашей техникой; их мужество [принять] рационализм и то, что ему противоположно, их мощь правоверия в добре и зле не знает преград. Они реализовали ту связь социализма и славянства, о которой еще в 1848 году. Доносо Кортес пророчествовал как о решающем событии следующего века.

Таково наше положение. Невозможно сказать ничего поистине значимого о культуре и истории, не осознавая свою собственную культурную и историческую ситуацию. Что всякое историческое познание есть познание современное, что оно от современности получает свет и интенсивность и в самом глубоком смысле служит только современности, потому что всякий дух есть только современный дух, говорили нам после Гегеля многие, но лучше всех – Бенедетто Кроче. Множество знаменитых историков нынешнего поколения наглядно демонстрирует нам эту простую истину, и сегодня горы материала уже никого не вводят в заблуждение, насколько все исторические изложения и конструкции заполнены наивными проекциями и идентификациями. Итак, прежде всего следует сознавать свою собственную нынешнюю ситуацию. Именно об этом должно было напомнить наше замечание о русских. Такое ясное осознанное представление о настоящем сегодня трудно, но оно тем более необходимо. Все свидетельствует о том, что в 1929 году у нас в Европе все еще продолжался период усталости и попыток реставрации – дело обычное и понятное после великих войн. В XIX веке, начиная с 1815 года, почти целое поколение европейцев после двадцатилетней войны коалиции против Франции отличалось таким состоянием духа, которое можно свести к формуле «легитимность *status quo*». Все аргументы эпохи в действительности содержат в себе не столько возрождение ушедшего или уходящего, сколько судорожное, внешнеполитическое и внутривнутриполитическое «*status quo*, что же еще?». В это время спокойствие реставрационного настроения служит скорому и беспрепятственному развитию новых вещей и новых отношений, смысл и направление которых скрывается за реставрированным фасадом. Но когда придет время, легитимистская оболочка исчезнет, как пустой фантом.

Русские поймали на слове европейский XIX век, они познали его сердцевину, и сделали самые радикальные выводы из его культурных предпосылок. Мы все время живем под оком более радикального брата, который заставляет доводить до предела

* Карл Шмитт (Carl Schmitt) (1888-1985) – немецкий юрист и политический публицист. Доклад «Das Zeitalter der Neutralisierungen und Entpolitisierungen» был сделан в октябре 1929 г. в Барселоне на заседании Европейского Культурного Союза. В декабре того же года текст доклада был напечатан в журнале «Europäische Revue». В 1932 г. текст вошел в состав книги «Der Begriff des Politischen» и с тех пор печатается во всех изданиях этого знаменитого сочинения. Перевод сделан по изданию: Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Duncker & Humblot, 1963. S. 79-95.

** Под взглядом русских, на глазах у русских (*фр.*).
© Перевод и комментарий А. Ф. Филиппов, 2001г.
© Центр фундаментальной социологии, 2001г.

практические выводы. С полной определенностью и совершенно независимо от внешнеполитических и внутривнутриполитических прогнозов можно сказать одно: на русской почве антирелигиозная технократия была воспринята всерьез, здесь возникает государство, которое в большей мере и более интенсивно «государственно», нежели, в свое время, государство абсолютных монархов Филиппа II, Людовика XIV или Фридриха Великого. Понять все это как ситуацию можно только исходя из европейских тенденций последних веков; здесь находят свое завершение и оказываются превзойденными специфически европейские идеи, обнаруживается невероятное усиление того, что составляет сердцевину современной истории Европы.

1. Последовательность смены центральных областей

Вспомним, какие ступени прошел за последние четыре века европейский дух, вспомним о том, в каких различных духовных сферах он обнаруживал центр своего человеческого пребывания. Это четыре великих, простых, эпохальных шага. Они соответствуют четырем векам. Первый шаг – теологическое, затем идет метафизическое, далее – гуманитарно-моральное и, наконец, экономическое. Великие толкователи человеческой истории Вико и Конт генерализировали этот уникальный европейский процесс, превратив его в общий закон человеческого развития; затем знаменитый «закон трех стадий» (от теологической [стадии] к метафизической, а отсюда к «научной», или «позитивизму») тысячи раз пропагандировался в банальной и вульгарной форме. На самом деле позитивно нельзя сказать больше того, что европейское человечество, начиная с XVI века, сделало ряд шагов, переходя от одной центральной области к другой, и что все, что составляет содержание нашего культурного развития, находится под воздействием этих переходов. В истекшие четыре столетия европейской истории у духовной жизни было четыре различных центра, и мышление активной, образующей авангард элиты фокусировалось в эти века на разных основных моментах.

Лишь исходя из того, что эти центры постоянно смещаются, можно понять категории, [в которых мыслят] различные поколения. Перемещение – из теологического в метафизическое, отсюда – в гуманитарно-моральное и, наконец, в экономическое – не берется здесь (повторим это специально), как «теория доминант» в истории культуры и духа, а также не рассматривается как закон философии истории в смысле закона трех стадий или подобных ему конструкций. Я не говорю о культуре человечества в целом, о ритме мировой истории; я ничего не способен сказать ни о китайцах, ни об индийцах, ни о египтянах. Поэтому последовательность смены центральных областей [здесь] не мыслится также ни как непрерывная восходящая линия «прогресса», ни как его противоположность, а считать ли эту последовательность восходящей или нисходящей, подъемом или упадком, – это отдельный вопрос. Наконец, было бы недоразумением истолковывать последовательность таким образом, будто в каждый из этих веков не было ничего, кроме этой центральной области. Напротив, всегда плюралистично сосуществуют различные, уже пройденные ступени; люди одной и той же эпохи и одной и той же страны и даже члены одной и той же семьи сосуществуют на разных ступенях, и, например, современный Берлин находится в культурном отношении куда ближе к Нью-Йорку и Москве, чем к Мюнхену или Триру. Итак, смена центральных областей относится только к тому конкретному факту, что в эти четыре века европейской истории менялись руководящие элиты, что постоянно менялись очевидность их убеждений и аргументов, а равным образом, – и содержание их духовных интересов, принцип поведения, тайна политического успеха и готовность больших масс впечатлительны определенными внушениями.

Ясно и в особенности четко [обозначился] как уникальный исторический поворот переход от теологии XVI века к метафизике XVII века, самому великому времени в европейской [истории] – не только метафизическому, но и научному, – подлинно героической поре западного рационализма. Эта эпоха систематического научного мышления объемлет одновременно Суареса и Бэкона, Галилея, Кеплера, Декарта, Гроция, Гоббса, Спинозу, Паскаля, Лейбница и Ньютона. Все удивительные математические, астрономические и естественнонаучные открытия этого времени были встроены в большую метафизическую или «естественную» систему, все мыслители были метафизиками большого стиля, и даже характерное для этой эпохи суеверие было космически-рационалистическим в форме астрологии. Следующий, XVIII век с помощью конструкций деистической философии, отставил в сторону метафизику и стал вульгаризацией большого стиля, Просвещением, литературным присвоением великих событий XVII века, гуманизацией и рационализацией. Можно детально проследить, как в бесчисленных популярных сочинениях продолжается влияние Суареса; что касается ряда фундаментальных понятий морали и теории государства Пуфендорф – просто эпигон Суареса, и, в конце концов, *contrat social* Руссо – просто вульгаризация Пуфендорфа. Но специфический пафос XVIII века есть пафос «добродетели», его мифическое слово – *vertu*, долг. Романтизм Руссо сознательно тоже еще не взрывает рамки моральных категорий. Характерным выражением этого века является понятие бога у Канта, в системе которого бог, как грубовато сказал кто-то, уже оказывается всего лишь «паразитом этики»; в словосочетании «Критика чистого разума» каждое слово – «критика», «чистый» и «разум» – полемически направлено против догмы, метафизики и онтологизма.

Потом следует XIX век, эпоха мнимо гибридной и невозможной связи эстетически-романтических и экономико-технических тенденций. В действительности романтика XIX века (если только мы не хотим романтическим образом вызвать путаницу несколько дадаистским словом «романтика») была только промежуточной ступенью эстетического между морализмом XVIII века и экономизмом века XIX, только переходом, который был вызван эстетизацией всех духовных областей, причем весьма легкой и успешной. Ибо от метафизического и морального к экономическому путь идет через эстетическое, а этот путь – через эстетическое потребление и удовольствие, сколь бы утонченным оно ни было – самый надежный и удобный ко всеобщей экономизации духовной жизни и к такой духовной конституции, для которой производство и потребление суть центральные категории человеческого бытия. В последующем духовном развитии романтический эстетизм служит экономическому и является типичным сопутствующим феноменом. Однако техническое в XIX веке все еще выступает в самой тесной связи с экономическим, как индустриализм. Характерным примером этого является знаменитая конструкция истории и общества в марксистской схеме. В ней экономическое считается базисом и фундаментом, «основанием» <Unterbau> всего духовного. Конечно в сердцевине экономического она уже видит техническое, а хозяйственные эпохи в истории человечества определяет в соответствии со специфическими для каждой из них техническими средствами. Однако как таковая эта система является системой экономической, а техницистские элементы выходят на передний план лишь в позднейших вульгаризациях. В целом марксизм хочет мыслить экономически, а потому остается в XIX веке, который по существу своему является веком экономическим.

Конечно уже в XIX веке технический прогресс становится таким паразитическим, а социальные и хозяйственные ситуации меняются столь быстро, что все моральные, политические, социальные и экономические проблемы охватываются

* Общественный договор (*фр.*).

реальностью этого развития техники. Под совершенно завораживающим воздействием все новых поразительных изобретений и открытий возникает религия технического прогресса, для которой все остальные проблемы разрешаются сами собой именно благодаря техническому прогрессу. Эта вера была совершенно самоочевидной для больших масс в индустриализированных странах. Они перепрыгивали все промежуточные ступени, характерные для мышления руководящих элит, из веры в чудо и потусторонний мир сразу, без промежуточного звена, у масс получается религия технического чуда, человеческих достижений и овладения природой. Магическая религиозность переходит в столь же магическую техничность. Так с самого начала двадцатое столетие оказывается не только веком техники, но и веком религиозной веры в технику. Его часто называют веком техники, но это лишь предварительная характеристика всей ситуации, вопрос о значении берущей верх техничности следует пока оставить открытым. Ибо в действительности вера в технику – лишь результат того, что центральные области смещаются в определенном направлении, и эта вера в технику – как вера – возникла в силу последовательности этих смещений.

Все понятия духовной сферы, включая понятие духа, сами по себе плюралистичны, их можно понять, только исходя из конкретного политического существования <Existenz>. Как всякая нация имеет свое собственное понятие нации и находит конституирующие признаки национальности у себя самой, а не у других, так и всякая культура и всякая культурная эпоха имеет свое собственное понятие культуры. Все существенные представления духовной сферы человека экзистенциальны, а не нормативны. Если центр духовной жизни за последние четыре столетия постоянно смещался, то все понятия и слова в силу этого также изменялись, и, следовательно, надо помнить о многозначности каждого слова и понятия. Большинство самых диких недоразумений (которыми, конечно, пользуются многие обманщики) объясняется тем, что какое-либо понятие, укорененное в определенной области – например, только в метафизическом или только в моральном, или только в экономическом, – ложным образом переносится на иные, прочие области духовной жизни. Дело не просто в том, что процессы и события, которые производят на людей глубокое впечатление и становятся предметом их размышлений и разговоров, всегда ориентируются на центральную область: например, Лиссабонское землетрясение смогло в XVIII веке вызвать настоящий потоп морализирующей литературы, тогда как в наши дни сходное событие остается без серьезных интеллектуальных последствий; напротив, катастрофа в экономической сфере, серьезное падение курса или финансовый крах, живейшим образом вызывает не только практический, но и теоретический интерес самых широких слоев. Также и специфические понятия отдельных веков получают свой характерный смысл от соответствующей центральной области. Я могу прояснить это на примере. Так, представление о *прогрессе*, улучшении и усовершенствовании (говоря современным языком – рационализации) стало господствующим в XIX веке, именно во времена гуманитарно-моральной веры. Вследствие этого прогресс прежде всего означал прогресс в просвещении, образовании, самообладании и воспитании, *моральное* усовершенствование. Во времена экономического или технического мышления прогресс самоочевидным образом считается экономическим или техническим, а гуманитарно-моральный прогресс, насколько вообще он еще представляет интерес, – сопутствующим продуктом прогресса экономического. Если какая-то область стала центральной, то проблемы других областей разрешаются, исходя именно из нее и уже считаются проблемами второразрядными, решение которых состоится само собой, если только будут решены проблемы центральной области.

Так для теологической эпохи все получится само собой, если будет наведен порядок в теологических вопросах; все остальное тогда людям «приложится». То же

самое относится и к другой эпохе: во времена гуманитарно-моральные речь идет лишь о том, чтобы морально воспитать и образовать людей, все проблемы становятся проблемами воспитания; во времена экономические нужно только правильно разрешить проблему производства и распределения благ, а все моральные и социальные вопросы уже не будут представлять сложности; для чисто технического мышления новыми техническими изобретениями решается также экономическая проблема, а все вопросы, включая экономические, отступают на задний план перед задачей технического прогресса. Вот другой, социологический пример плюрализма таких понятий: типичный репрезентант духовности и публичности, *clerc*^{*}, в своих специфических особенностях в каждую эпоху определяется исходя из центральной области. За теологом и проповедником <Prädikanten> XVI века следует ученый систематик XVII века, который живет в настоящей Республике ученых и очень далек от масс; за ним следуют писатели-просветители все еще аристократического XVIII века. Что же касается века XIX, то пусть никого не вводят в заблуждение интермеццо романтического гения и множество жрецов религии приватности; *ученый знаток* XIX века (самый значительный пример – Карл Маркс) становится экономическим специалистом, и вопрос теперь состоит лишь в том, насколько экономическое мышление вообще еще допускает социологический тип *клерка*, а национал-экономы и экономически образованные синдики могут представлять собой слой духовных вождей. Во всяком случае, техникстскому мышлению *знаток* уже кажется невозможным, о чем мы еще скажем ниже, когда речь пойдет о нашем веке техничности. Но множественность типов *знатока* достаточно ясна уже по этим немногим примерам. Как уже сказано, все понятия и представления духовной сферы – «Бог», «свобода», «прогресс», антропологические представления о человеческой природе, [представления о том,] что есть общественность, что рационально и что такое рационализация, наконец, как понятие природы, так и понятие самой культуры, – все это получает конкретное историческое содержание от состояния центральной области и только так и может быть понято.

Прежде всего, *государство* тоже получает свою действительность и силу от соответствующей центральной области, потому что главенствующие темы споров при разделении на группы друзей и врагов точно так же определяются соответственно главенствующей предметной области. Пока религиозно-теологическое находилось в центре, политический смысл имело положение «*cujus regio ejus religio*»^{**}. Когда религиозно-теологическое перестало быть центральной областью, также и это положение потеряло практический смысл. Но, между тем, через культурную стадию нации и принцип национальностей (*cujus regio ejus natio*^{***}) оно переключалось в экономическое, и теперь означает, что в одном и том же государстве не может быть двух противоположных хозяйственных систем; капиталистический и коммунистический хозяйственные порядки исключают друг друга. Советское государство реализовало положение *cujus regio ejus oeconomia*^{****} в таком объеме, который доказывает, что связь между компактной областью и компактной духовной гомогенностью имеет место отнюдь не только в религиозных битвах XVI века и не только применительно к масштабам малых и средних государств, но всегда приспособляется к смене центральных областей духовной жизни и к смене измерений автаркических мировых империй. В этом явлении существенно то, что

* Буквально: сведущий, ученый человек, *грамматей* (фр.). В этом значении примерно соответствует немецкому *der Literat*, однако означает также и письмоводителя, конторщика, собственно, *клерка*. При переводе нам пришлось балансировать между обоими этими значениями. Чаще всего избирался вариант "ученый знаток".

** Чья власть, того и вера (лат.).

*** Чья власть, того и народ (лат.).

**** Чья власть, того и хозяйство (лат.).

гомогенное хозяйственное государство отвечает экономическому мышлению. Такого рода государство хочет быть современным, *знающим* о своей ситуации во времени и в культуре. Оно должно притязать на то, что правильно познает историческое развитие в его совокупности. На этом основывается его право господствовать. Государство, которое в экономическую эпоху отказывается от того, чтобы самостоятельно правильно познавать экономические отношения и управлять ими, должно объявить себя нейтральным в отношении политических вопросов и решений и отказывается тем самым от своего притязания на господство.

Поэтому примечателен феномен европейского либерального государства XIX века, объявляющего себя *stato neutrale ed agnostico** и способного усмотреть оправдание своего существования именно в своей нейтральности. Основания этого различны, их нельзя объяснить одним словом и вывести из одной причины. Это интересно как симптом всеобщей культурной нейтральности; ибо учение о нейтральном государстве XIX века находится в рамках всеобщей тенденции к духовному нейтрализму, который характерен для европейской истории последних веков. Здесь-то, как мне кажется, и заключено объяснение того, что назвали эпохой техники. Оно еще нуждается, по меньшей мере, в кратком изложении.

2. Ступени нейтрализации и деполитизации

Последовательность ступеней, как она была изображена выше, – от теологического через метафизическое и моральное к экономическому – это одновременно ряд последовательно совершающихся нейтрализаций тех областей, из которых центр смещается на другие. Самым сильным и значительным по своим последствиям из всех духовных поворотов европейской истории я считаю переход в XVII столетии от традиционной христианской теологии к системе «естественной» науки. Тем самым было задано направление, которое вплоть до наших дней должно было стать направлением всего последующего развития. Огромное впечатление, производимое этим процессом, наложило отпечаток на все обобщающие «законы» истории человечества: контовский закон трех стадий, спенсеровскую конструкцию развития от военной эпохи к промышленной и тому подобные философско-исторические конструкции. Сердцевину этого удивительного поворота составляет элементарный, имевший решающее значение в течение нескольких веков основной мотив – стремление к нейтральной сфере. После бесперспективных теологических диспутов и споров XVI века европейское человечество искало нейтральную область, в которой прекращался бы спор и где можно было прийти к взаимопониманию, согласию и убеждать друг друга. Поэтому, отвлекшись от спорных понятий и аргументов христианской теологии, сконструировали «естественную» систему теологии, метафизики, морали и права. Этот духовно-исторический процесс был изображен Дильтеем в сочинении, которое по праву снискало себе известность и в котором, прежде всего, подчеркивается большое значение стоической традиции¹. Но существенным мне представляется все-таки то, что область, бывшую до тех пор нейтральной – теологию – теперь покидают, потому что это уже спорная область, ищут же иную, нейтральную, область. Область, до тех пор бывшая центральной, нейтрализуется, поскольку перестает быть центральной, а на почве новой центральной области есть надежда найти какой-то минимум единодушия и общих предпосылок, что делает возможными безопасность, очевидность, взаимопонимание и мир. Тем самым было выбрано направление движения к нейтрализации и минимизации и признан закон, по которому в последующие столетия «зашагало»² европейское человечество, и сформулировало свое собственное *понятие истины*.

* Нейтральным и агностическим государством (ит.)

Понятия, выработанные в течение веков господства теологического мышления, становятся теперь неинтересными, «частным делом». Сам Бог в деистической метафизике XVIII века изымается из мира и становится инстанцией, нейтральной по отношению к битвам и противоположностям реальной жизни; как говорит Гаман, возражая Канту, Бог становится понятием и перестает быть сущностью. В XIX веке сначала монарх, а затем и государство становятся нейтральной величиной, и здесь, в либеральном учении о *pouvoir neutre** и *stato neutrale*, открывается новая глава политической теологии, когда процесс нейтрализации находит свои классические формулы, потому что теперь он захватывает самое главное: политическую власть. Но диалектика такого развития состоит в том, что именно путем перемещения центральной области постоянно создается новая область борьбы. На новом поле, которое поначалу считается нейтральным, сразу же с новой интенсивностью разворачивается противоположность людей и интересов, причем она тем более сильна, чем прочнее овладевают этой новой предметной областью. Европейское человечество постоянно переключивается из области борьбы в нейтральную область, всякий раз новообретенная нейтральная область сразу же становится областью борьбы, и сразу же необходимо искать новые нейтральные сферы. Не смогли обеспечить мира и естественные науки. Из религиозных войн получились наполовину еще культурно, наполовину уже экономически детерминированные национальные войны XIX века, а затем, наконец, и просто хозяйственные.

Очевидность широко распространенной ныне веры в технику покоится лишь на том, что могли поверить, будто именно техника представляет собой искомую абсолютно и окончательно нейтральную почву. Ведь, кажется, нет ничего более нейтрального, чем техника. Она служит каждому подобно тому, как радио можно использовать для сообщений любого рода и содержания, или подобно тому, как почта пересылает отправления безотносительно к их содержанию, а из техники почтового предприятия нельзя вывести критерий оценки пересылаемых отправлений. В противоположность теологическим, метафизическим, моральным и даже экономическим вопросам, о которых можно спорить целую вечность, технические проблемы имеют какую-то освежающую объективность, у них есть внятные решения, и понятно, что выход из безнадежно запутанной проблематики всех других сфер попытались найти в техничности. Кажется, будто здесь все народы и нации, все классы и конфессии, люди всех возрастов и полов смогут быстро прийти к согласию, потому что все с одинаковой очевидностью пользуются преимуществами и удобствами технического комфорта. Кажется, что именно здесь – почва того всеобщего выравнивания, глашатаем которого в своем докладе 1927 года выступил Макс Шелер³. Все споры, весь беспорядок конфессиональных, национальных и социальных распрей нивелируются здесь, в совершенно нейтральной области. Сфера техники, казалось, есть сфера мира, взаимопонимания и примирения. Взаимосвязь техницистской и пацифистской веры, иначе непонятная, объясняется тем, что в XVII веке европейский дух выбрал это направление в сторону нейтрализации и следовал ему вплоть до XX века словно бы под действием рока.

Но нейтральность техники – нечто иное, нежели нейтральность всех предшествовавших областей. Техника всегда есть только инструмент, оружие, и именно потому, что она служит каждому, она не нейтральна. Из имманентности технического не следует вообще никакого человеческого и духовного решения, тем более – в пользу нейтральности. Всякая культура, всякий народ и всякая религия, всякая война и всякий мир могут воспользоваться техникой как оружием. То, что инструменты и оружие становятся все более пригодными, делает тем большей

* Нейтральной власти (*фр.*).

вероятность их реального применения. Техническому прогрессу не нужно быть ни метафизическим, ни моральным, ни даже экономическим. Если сегодня люди еще ждут от технического усовершенствования также и прогресса гуманитарно-морального, они тем самым только вполне магическим образом связывают воедино технику и мораль, да еще при этом несколько наивно предполагают, что великолепный арсенал современной техники будет использован только в ее собственном смысле, т.е., говоря социологически, что сами они станут господами этого устрашающего оружия и смогут притязать на чудовищную власть, которая с этим связана. Но сама техника остается, если можно так сказать, культурно слепой. Поэтому из чистого Не-Что-Иное-Как-Техника нельзя извлечь ни одного из тех следствий, которые обыкновенно выводятся из центральных областей духовной жизни: ни понятия духовного прогресса, ни типа знатока или духовного вождя, ни типа определенной политической системы.

Надежда, что из технического изобретательства разовьется политический господствующий слой, до сих пор не осуществилась. Конструкции Сен-Симона и других социологов, которые ожидали наступления «индустриального» общества, являются либо не чисто техницистскими, (но содержат в себе примесь отчасти гуманитарно-моральных, отчасти экономических элементов), либо же они просто фантастичны. Даже экономическое руководство и управление современным хозяйством не находятся в руках техников, и до сих пор никто не смог сконструировать руководимый техниками общественный порядок иначе, чем конструируя общество совсем без руководства и управления. Также и Жорж Сорель не остался просто инженером, но стал *ученым знатоком*. Ни одно из важных технических изобретений не позволяет заранее рассчитать, каковы будут его объективные, политические результаты. Изобретения XV-XVI веков имели освободительное, индивидуалистическое и бунтарское действие; изобретение искусства книгопечатания привело к свободе печати. Сегодня же технические изобретения стали средством чудовищного порабощения масс: радио связано с радиомонополией, а кино – с цензурой. Решение относительно свободы и рабства заключено не в технике как таковой. Она может быть революционной и реакционной, служить свободе и угнетению, централизации и децентрализации. Из чисто технических принципов, чисто технических точек зрения не следует ни политической постановки вопроса, ни политического ответа.

Предшествующим поколением немцев владело настроение гибели культуры, которое нашло свое выражение еще до мировой войны*, задолго до катастрофы 1918 года и шпенглера «Заката Европы». Многочисленные свидетельства этого настроения мы находим у Эрнста Трельча, Макса Вебера, Вальтера Ратенау. Непреодолимая власть техники выступала здесь как господство бездуховности над духом или же, быть может, как исполненная духа, но лишенная души механика. За столетием жалоб на «maladie du siècle»** и ожиданий господства Калибана или «After us the Savage God»***⁴ непосредственно следует поколение немцев с жалобами на бездушный век техники, когда душа оказывается беспомощной и бессильной. Еще в метафизике бессильного Бога у Макса Шелера или в конструкции сугубо временной, флуктуирующей и, в конце концов, все-таки бессильной элиты у Леопольда Циглера, зафиксирована эта беспомощность, будь то души или духа, в век техники.

Страх был оправдан потому, что его истоком было смутное ощущение того, какими последствиями чреват доведенный теперь до конца процесс нейтрализации. Ибо духовная нейтральность, будучи сопряженной с техникой, пришла к духовному Ничто. После того, как сначала абстрагировались от религии и теологии, затем от

* Имеется в виду Первая мировая война.

** Болезнь века (*фр.*).

*** После нас – Бог-Дикарь (*англ.*)

метафизики и государства, теперь кажется, будто абстрагировались и от всего культурного, достигли нейтральности культурной смерти. В то время как вульгарная массовая религия ожидала от мнимой нейтральности техники земного рая, эти великие социологи чувствовали, что тенденция, господствовавшая на всех ступенях, которые проходил современный европейский дух, теперь уже угрожает самой культуре. К этому добавился страх перед новыми классами и массами, возникшими на *tabula rasa*, которые создала безостановочная технизация. Бездна культурного и социального Ничто изрыгала все новые и новые, чуждые и даже враждебные традиционному образованию и традиционному вкусу массы. Но страх этот был, в конечном счете, не чем иным, как сомнением в способности поставить себе на службу великолепный арсенал новой техники, хотя он только и ждет, чтобы им воспользовались. Недопустимо также, чтобы этот продукт человеческого разума и дисциплины, каковым является всякая, особенно современная техника, просто выдавался за нечто мертвое и бездушное, а религию техничности путали с техникой как таковой. Дух техничности, приведший к массовой вере антирелигиозного активизма поюсторонности, быть может, – дух злой, дьявольский, но – дух, от которого нельзя ни отделаться как от чего-то просто механистического и который нельзя вменить [самой] технике. Быть может, он – нечто ужасное, но сам он не техничен и не машинообразен. Он представляет собой убеждение активистской метафизики, веру в безграничные силы и безграничное господство человека над природой и даже над человеческой *physis*, в безграничное «отодвигание природных пределов», безграничные возможности изменений и счастья в естественном поюстороннем пребывании <Dasein> человека. Это можно называть фантастическим или сатанинским, но нельзя – просто мертвым, бездуховным или механизированной бездушностью.

Равным образом и боязнь культурного и социального Ничто возникла скорее из панического страха перед угрозой для *status quo*, чем из спокойного знания своеобразия духовных процессов и их динамики. Всякие новые великие импульсы, всякая революция и реформация, всякая элита происходят от аскезы и добровольной или недобровольной нужды, причем нужда означает прежде всего отказ от безопасности *status quo*. Первоначальное христианство и все мощные реформы внутри христианства, бенедиктинское, клюнийское, францисканское обновление, перекрещенцы и пуритане, да и вообще всякое подлинное возрождение с его возвращением к простому своеобразному принципу, всякое подлинное *ritornar al principio*^{*}, всякое возвращение к неповрежденной, не испорченной природе выступает, с точки зрения комфорта и довольства существующим *status quo*, как культурное или социальное ничто. Оно растет медленно и во тьме, и в его первых началах историк и социолог вновь увидел бы только Ничто. А мгновение блестящей репрезентации есть уже то мгновение, когда связь с тайным, незримым началом находится под угрозой.

Процесс постоянной нейтрализации различных областей культурной жизни дошел до конца, потому что дошел до стадии техники. Техника уже не есть нейтральная почва в смысле этого процесса нейтрализации, и ею будет пользоваться всякая сильная политика. Поэтому лишь предварительно можно в духовном смысле рассматривать наш век как век технический. Окончательный смысл проявится лишь тогда, когда обнаружится, какого рода политика достаточно сильна, чтобы совладать с новой техникой, и каковы реальные разделения на группы друзей и врагов, возникающие на этой новой почве.

Большие массы индустриализованных народов еще держатся в наши дни глухой религии техничности потому что, как и все массы, жаждут радикальных выводов и бессознательно верят, что здесь удалось найти ту абсолютную деполитизацию,

* Возвращение к первоначалу (*um.*).

которую ищут уже столетия и которая означает прекращение войны и начало универсального мира. Но техника не способна ни на что иное, кроме усиления мира или войны, она равным образом готова и к тому, и к другому, и здесь ничего не меняют ни разговоры о мире, ни призывающие его заклинания. Сегодня мы проникаем сквозь туман имен и слов, с которыми работает психотехническая машинерия массового внушения.

Мы даже знаем тайный закон этого вокабулярия, мы знаем, что сегодня самая страшная война ведется только во имя мира, а самое бесчеловечное совершается лишь во имя человечности. Сегодня мы проникаем, наконец, также и настроение того поколения, которое в веке техничности усмотрело лишь духовную смерть и бездушную механику. Мы постигаем плюрализм духовной жизни и знаем, что центральная область духовного пребывания не может быть областью нейтральной и что неправильно решать политическую проблему путем антитез органического и механического, жизни и смерти. Жизнь, которой больше не противостоит ничего, кроме смерти, уже не есть жизнь, но есть бессилие и беспомощность. Кто не знает больше иного врага, кроме смерти, и не видит в своем враге ничего, кроме пустой механики, тот ближе к смерти, чем к жизни, а удобная антитеза органического и механического есть в себе нечто грубо-механическое. Разделение на группы, которое предполагает на своей стороне лишь дух и жизнь, а на другой – лишь смерть и механику, есть не что иное, как отказ от борьбы, и имеет ценность лишь романтической жалобы. Ибо жизнь борется не со смертью, а дух – не с бездуховностью. Дух борется против духа, жизнь против жизни, а из силы цельного <integren> знания возникает порядок человеческих вещей. *Ab integro nascitur ordo**⁵.

Комментарий

¹ Имеется в виду работа: W. Dilthey. *Weltanschauung und Analyse des Menschen seit Renaissance und Reformation* (см. например: 9. Aufl. Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1970).

² В оригинале: «...das Gesetz, nach welchem die europäische Menschheit ... angetreten ist...». Здесь обыгрывается строчка стихотворения Гёте «DAIMON, DÄMON» из цикла «Urworte. Orphisch»: «Wie an dem Tag, der dich der Welt verliehen / Die Sonne stand zum Gruße der Planeten, / Bist alsobald und fort und fort gediehen / *Nach dem Gesetz, wonach du angetreten*» (Как в оный день, тебя явивший миру / Располагались солнце и планеты, / Так с этих пор и стал ты развиваться / *Все по тому же самому закону*).

³ Речь идет о докладе М. Шелера «Der Mensch im Zeitalter des Ausgleiches». См. в русском переводе А. Н. Малинкина «Человек в эпоху уравнивания» // М. Шелер. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994.

⁴ Это слова У. Б. Йетса, сказанные под впечатлением скандальной премьеры пьесы Альфреда Жарри «Юбю-Король»: «Актеры кажутся куклами, игрушками, марионетками, и вот все они подпрыгивают, как деревянные лягушки, и сам я вижу, как главный персонаж, вроде бы король, носит вместо скипетра щетку, вроде тех, что используют для чистки клозетов. Чувствуя себя обязанными поддержать наиболее энергичную партию, мы громкими криками одобряем представление, но вечером в отеле "Корнель" я очень грустен, потому что на самом деле комедия еще раз и все более сильно действует на меня. Я говорю: "После Стефана Малларме, после Поля Верлена, после Гюстава Моро, после Пювиса де Шованна, после наших собственных стихов, после всех наших нежных красок и нервных ритмов, после неясных смешанных тонов Конде, что еще возможно? *После нас – Бог-Дикарь*»

⁵ Сокращенная и измененная цитата из IV эклоги Вергилия: *Ultima Cumeae venit iam carminis aetas / Magnus ab integro saeculorum nascitur ordo*. Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской / Сызнова ныне времен зачинается строй величавый (Перевод С. Шервинского).

*Перевод с немецкого и комментарии
кандидата философских наук А.Ф. Филиппова*

* Снова рождается порядок (*лат.*).